

Михаил Никитич Муравьев

ИЗБРАНИЕ СТИХОТВОРЦА

Природа, склонности различные вселяя,
Одну имеет цель, один в виду успех:
По своенравию таланты разделяя,
Путями разными ведет ко счастью всех.

Глас трубный одному на бранном поле сроден,
Победы шумной клик и побежденных стон;
Другому сельский кров и плуг косой угоден
И близко ручейка невозмущенный сон.

Я, блеском обольщен прославившихся россов,
На лире пробуждать хвалебный глас учусь
И за кормой твоей, отважный Ломоносов,
Как малая ладья, в свирепый понт несусь.

СТАНСЫ

Как мрачны небеса явят присутствие ночи
И томные глаза сомкну уже на сон,
То вдруг предстанет мне то ясно перед очи:
Так буду спать, как я из света выйду вон.

Ужаснейший предмет и смертным непонятный!
Трепещет естество, вообразив тот час,
Плачевнейший нам час и паки невозвратный!
Кто знает, далеко ль бываешь ты от нас?

Как буйный вихрь, стремясь из северной пещеры,
Вскрутится и корабль в пучину погрузит,—
Внезапно сей удар, прервав приняты меры,
Нас, мнящих в тишине пребыти, поразит.

О смертный! ты на рок отнюдь не полагайся,
Ты счастлив, но страшись всегда быть несчастлив,
От подлой гордости как можно берегайся:
Тот низок навсегда, кто мог быть горделив.

А смерть между людей быть разности не знает,
Остра коса ее и век не престаёт,
Косящая руки ничто не запинаят,
И всякий день она багряны токи льет.

СОНЕТ К МУЗАМ

Исчезните, меня пленявшие мечты!
Владычицы мои, а днесь мои врагини!
Мрачатся предо мной все ваши красоты,—
Оставьте век меня, пермесские богини!

Нельзя мне прославлять едиными усты
И бога браней гнев, и ваши благостыни,
И не довлеет мне едиными персты
Касатися меча и вашей святыни.

И како мне възграти на струнах?
Не обитает Феб в воинственных станах,
Здесь нет пермесских вод, ниже коня крылата.

Я к лире не коснусь дымящейся рукой,
Потребны для стихов и время и покой,
А мука мне моя—трудов одна заплата.

Бежит, друзья, бежит невозвратно время;
 Давно ль зефиры здесь смягчали лютый мраз?
 Успело уж взойти в земле зарыто семя,
     Настал и жатвы час.

Отсюда солнышко недавно закатилось,
 И кажется оно сзад этого бугру,
 А завтра посмотри: когда не очутилось
     Не там, где ввечеру?

Проходит скоро год, да скоро возвратится,
 Увядший цвет теперь раскинется весной;
 А смертный человек уж младостью не льститя,
     Бел ставши сединой.

Вотще заржавет меч и возвратится в ножны,
 Вотще от яростных укроемся валов,
 Вотще от непогод мы будем осторожны:
     Все снидем в мрачный ров.

Ах! правда то, друзья, и боле чем желаем.
 Оставим землю, дом и милую жену,
 Погаснут страсти в нас, которыми пылаем,
     И склонимся ко сну.

Сон будет ли тогда иль вечно разбужденье?
 Ах! пусть то будет сон, коль страшно нам восстать!
 Но нет: похощет ли творец свое рожденье
     В сон срамный отметать?

Не дайте вашего, судьбы, мне видеть гнева,
 Коль дней своих еще не скучил я длиной,
 И пусть еще того слаб будет корень древа,
     Что в ров сойдет со мной.

Блажен я, коль главу власы покроют седы,
 Коль доведется мне жезлом стопы блюсти
 И вам, уж старикам, средь тихия беседы,
     Друзья! сказать «прости».

Теперь нам мило то, чтоб буйным вихрем мчиться,
 И псами, и коньми, и полем прельщены,
 А после будет нам противно отлучиться
     На час от тишины.

Однако ж, о судьбы! коль буду я порочен,
О милосердии к вам дланей не простру,
Да рок мой ни на миг не будет мне отсрочен,
Пускай я млад умру.

К ХЕМНИЦЕРУ

Спокойствия пловец желает, бурю видя,
Желает и герой, войну возненавидя,
Спокойству уступить.

Но смутны души их того желают ложно,
Чего ни серебром, ни золотом невозможно
Им, Хемницер, купить!

Мучитель убежать не может от тревоги
Ни в восходящие ко облакам чертоги,
Ни в Алдиноев сад;
И целая толпа рабов его смущенных
Не может воспятить вокруг кровов позлащенных
Летающих досад.

С ним горькая тоска беседует всечасно,
И что приятно всем—ему лишь то ужасно:
И дружество, и сон.
Угрызы желчь лиют во снедь его любезну:
Он ярость в чаше пьет и видит тамо бездну,
Где прочи видят трон.

А тихий сон селян смыкает очи томны
И вносит на крылах в их дома неогромны
Ласкающие мечты;
Спокойна их душа подобием природы,
И лучше день один весенняя погоды,
Всей мира суеты.

Блажен, кто, лишь зарей поутру пробуждаем
И в собственной тени зефиром прохлаждаем,
Всходяще солнце зрит!
О, кто меня в страну восхитит вождеденну,
Где на руку главу склонил бы утомленну,
В древесной сени скрыт!

Примите вы меня тогда, сладчайши музы!
И дайте существа проникнуть мне союзы,
Природы вечну связь:

Какою склонностью миры одушевлены,
К горящим солнцам их согласно устремлены,
Колеблются, катясь.

Я буду петь в свирель у сей волны священной;
Ты будешь спроводать на лире позлащенной
Глас пеня моего;
И пусть придет мой день: ты здесь меня спокоишь
И, может быть, еще слезами удостоишь
Прах друга своего.

Когда ж со Львовым вы пойдете мимо оба
И станут помавать цветочки сверху гроба,
Поколебавшись вдруг,
Я заклинаю вас: постойте! не бежите!
И, в тихом трепете обнявшись, скажите:
«Се здесь лежит наш друг».

К Д***

Твоею возбужден хвалою, воспаляюсь
Охотою вещать;
Ко лире я спешу и жадно устремляюсь
Восторги ощущать.

Лишь струны вдруг ее златые забряцают—
Яснеют небеса,
И воздух сладостны дыханья проникают,
И молкнут деревья.

Лесбийский гражданин ходил в потоках крови
И волны преплывал,
Однако ж чистых муз и с Вакхом мать любви
Муж бранный воспевал.

Разлившаяся река глубокой быстриною
Рвет берег и крутит,
Так Пиндар от очей, взвиваясь стремниною,
С величием летит.

Но кто ему вослед, бессмыслен, направляет
Свой дерзостный полет,
Тот крылья себе из воску составляет
И с шумом в понт падет.

Я, слабый ученик любовника Глицеры,
С трудом собираю сот
И, в мягких утаясь убежищах пещеры,
Склоняюсь от высот.

Там зыблущаясь тень и падающи воды
Прохладу мне дарят,
И с нимфами вдали сатиров хороводы
Прельщают и манят.

Со лирою моей взывают тамо рощи
И Эхо при волнах,
Доколе снидет тень и мрак священной ночи
Умает в тихих снах.

*

Любовник прелести, где я ее найду?
Я чествую ее в творениях природы:
Приемлют сердца дань искусства в их чреду,
Они, что радость льют в мои цветущи годы.
Счастливы, что я могу лить слезы и дрожать,
В Вергильевых стихах учусь знать Дидону,
Душой ответственую Дмитревского я стону
И лъзя ль, Белинду зря, ее не обожать.

ЖЕЛАНИЕ ЗИМЫ

Проникнув из земли, былинка жить не чает
И клонится, томна,
И кажется, сама природа примечает,
Что рушится она.
Вотще ей иногда ласкает день прекрасный,
Чтоб после обмануть;
Она, уж отступясь, свой видит труд напрасный
И хочет отдохнуть.

На листовьях цветов их нежны нити стерты,
Объемля стебли, мрут.
Матерых группы древ на землю ниц простерты,
Младой природы труд.
Страдание земли зрит солнце потаенно.
Се суть Борейя дни.
Во мрачны облака все небо сокровенно,
И ходят вокруг они.

Приди скорей, зима, и ветров заговоры,
Владычица, низринь;
Меж ними рождена решить их буйны споры,
Ослушных в бездны кинь.
Стели свой нежный пух воздушною тропею,
С зарею иней сей
И с играми спеша со пляшущей толпою,
Со праздностью своей.

Поля их белизной луч солнца заражают,
К себе его сводя;
Воздушны шарики друг друга отражают
И скачут, с ним сходя.
О, как я, восхищен, влеку свое дыханье!
Сверши, зима, сверши!
Лишь крылья ты сплеснешь, пойдет их осязанье
По жилам до души.

Но что? не гласы ль мне сдаются вопиющих?
Не се ли рога звук?
Дианиных подруг, я зрю богинь бегущих,
Златой на раме лук.
Ты медлишь здесь, олень, а рок твой близко ходит;
Оставь свой сладкий мох.
Пугливый житель роцц напрасно след отводит—
Издаст последний вздох.

Любови не совсем отходят в заточенье
И дышат и зимой;
Не та же ль Хлоя днесь и граций ополченье
Опасно ей самой?
Блюди, чтобы на дни мои не искосился
Завистливый Сатурн,
Зима, чтоб твой певец спокоен покусился
Кичливый вздеть котурн.

ТРИ ПЕРВЫЕ СТРОФЫ СОХРАНЕННОЙ ЛОНГИНОМ САФОВОЙ ОДЫ, СЛЕДУЯ Г. БУАЛО

Счастливы, кто близ тебя тобой единой тлеет;
Кто внемлет, восхищен, слова из уст твоих,
Кто сладостно твоей улыбкой цепенеет,
Превысят ли его и боги счастьем их?

Узрю тебя, и огонь тончайший пробегает
Из жилы в жилу вдруг по телу моему;
В порывах сладости душа изнемогает:
Я трачу глас, к лицу прильпясь твоему.

Се облак мглы очей отъемлет представленья,
Я слышать перестаю, томлюся, во мрак впад;
Без цвета, задьшась, во ужасе, во мленья,
Вдруг трепет пробежит, вокруг сердца станет хлад.

ВРЕМЯ

Постойте, вобразим, друзья, бегущее время:
Недавно упадал без силы солнца свет—
Се, в нивах брошенно, проникло в класы семя
И жателя зовет.

Я солнце проводил вчера в вечерни воды.
«Покойся; и тебе приятно в волны лечь»,—
Вещал я; но оно, обшедши антиподы,
Успело день возжечь.

Однако, думал я, покоится мгновенье,
Уже за третий люстр два года я претек;
Счастлива жизнь! увы! ты бросилась в забвенье.
Не сон ли целый век?

Во времени одну занять мы можем точку.
Минута, кою жил, длинная году сна,
И бабочка, чья жизнь привязана к листочку,
Не тесно включена.

Мгновенье каждое имеет цвет особой,
От состояния сердечна занятой.
Он мрачен для того, чье сердце тяжело злобой,
Для доброго—златой.

Все года времена имеют наслажденья—
Во всяком возрасте есть счастье свое.
Но мудрости есть верх искусство соблюденья
Утех на житие.

Раскаянье есть желчь, котора простирает
Во недро времени противну грусть свою.
Но время наконец с сердечной дски стирает
Ржу чуждую сию.

Коль сердце между волн ты спас от сокрушенья,
Пусть будет наконец угодно так судьбе
Дней ясность помрачить, коль много утешенья
Останется в тебе.

НОЧЬ

К приятной тишине склонилась мысль моя,
Медлительней текут мгновенья бытия.
Умолкли голоса, и свет, покрытый тьмою,
Зовет живущих всех ко сладкому покою.
Прохлада, что из недр пространья земли
Восходит вверх, стелясь, и, видима вдали,
Туманом у ручьев и близ кудрявой рощи
Виется в воздухе за колесницей нощи,
Касается до жил и освежает кровь!
Уединение, молчанье и любовь
Владычеством своим объемлют тихи сени,
И помавают им согласны с ними тени.
Воображение, полет свой отложив,
Мечтает тихость сцен, со зном опочив.
Так солнце, утомясь, пред западом блистает,
Пускает кроткий луч и блеск свой отметаёт.
Ах! чтоб вечерних зреть пришествие теней,
Что может лучше быть обширности полей?
Приятно мне уйти из кровов позлащенных
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где честолюбье бдит,
Где скользок счастья путь, где ров цветами скрыт.
Здесь буду странствовать в кустарниках цветущих
И слушать соловьев, в полночный час поющих;
Или облокочусь на мшистый камень сей,
Что частью в землю врос и частью над ней.
Мне сей цветущий дерн свое представит ложе.
Журчанье ручейка бесперестанно тоже,
Однообразием своим приманит сон.
Стопами тихими ко мне придет он
И распрострет свои над утомленным крылы,
Живитель естества, лиющий в чувства силы.
Не сходят ли уже с сих тонких облаков
Обманчивы мечты и между резвых снов
Надежды и любви, невинности подруги?

Уже смыкаются зениц уставших круги.
Носися с плавностью, стыдливая луна:
Я преселяюся во тёмну область сна.
Уже язык тяжел и косен становится.
Еще кидаю взор—и все бежит и тмится.

ЖАЛОБЫ МУЗАМ

О вы, что первые моею страстью были,
Вы, коих я привык внимать прелестный глас,
Простите, Музы, мне, я жалуюсь на вас;
Ах! нет, я слезы лью, что вы меня забыли.
Жестоко хлад сносить от друга своего,
А зреть его от вас жесточее всего.
Кто в ваших не был ввек приятностях участен,
Так тот, лишаясь вас, не может быть несчастен.
Он вашим жаром грудь свою не проникал,
Не трогался до слез и к вам не привыкал.
Так что ему терять? Угрюм, он тем гордится
И, что прельщает всех, тем тронут быть стыдится.
А я... Мой слабый ум! где был ты отлучен,
Сей милой суетой в дни юны омрачен,
Со Федрою вздыхал, Оснельдою прельщался
И Музам, их еще не зная, обещался.
Вы наполняли жизнь, вы, Музы, лишь одне;
Но ваши милости теперь упрёкой мне.
Упрямые! мой ум досада отравляет,
Скажите, что меня днесь с вами разделяет?
Не отвращались вы моих нежнейших лет,
Я льстился, что со мной и дух ваш возрастет.
Но скорые года без пользы прокатились,
С мечтами вы ушли и вспять не возвратились!
Ах! дайте зреть опять, свой дайте зреть возврат,
Вы младости мечты, я в вас паду назад.
Вы легкими меня толпами окружите,
И путь склоните мой, и очи превяжите.
Пусть буду с вами я и буду заблуждать,
Чем медленно идти и хладно рассуждать.
А ты, божественной десницы в нас возженье!
Ты, сила сотворять, пылай, воображенье!
Где я? иль это мной играет сладкий сон?
По роцам днесь меня священным водит он,
По коим и струи прохладные катятся,
И ветры сладостным дыханьем тяготятся...

Но кая всходит вновь заря по высотам?
Не слышится ли ног бегущих топот там?
Находит трепет вдруг, с пресекшимись словами...
Вас, Музы! вас я зрю и пасть лечу пред вами.

РОЩА

Дашь ли свободный мне вход под тихо колеблющихся тени,
Роща!.. Святыни твоей стихотворец нарушить не может.
Прочь, злодейство, отсель! да век неповинного кровью
Древние корни сии обагрены без мести не будут!
Да не почит здесь век преломивший темничные узы,
Бледный, несущий злодейства, написанны в образе смутном!
Дай лишь в лоне своем убежище мыслящей Музе;
Скрой в себя ты ее в те полны чувствий мгновенья,
В кои с небес дарованье снисходит и душу колеблет.
Здесь я буду вперед собой наслаждаться и мыслить.
В темной прохладе здесь бодрствовать буду я утренню стражу:
Зритель безмолвный, поникну в явлениях сельския жизни;
Взором внимательным буду шаги спровождать земледельца.
Месяц спускается ниже и, кажется, падает с неба;
Свет вливается в воздух; волны с востока зарделись...
Ах! я видел мгновенье, в которо заря выходила.
Прелестями юной бессмертной чувства мои обновлены.
Тихая светлость объемлет мою умилившуюся душу
Так, как прозрачное облако, в коем покоится солнце,
Только омывшись в волнах... Но кая внезапная сила
Вдруг вливается в жилы и их трепетать заставляет?
Кажется, ветви беседуют; кажется, некая влага
Воздух собой проникает и землю покоящуюсь будит,
Землю, котора дремала, тенью своей покровенна.
Се содрогается чистой росой пробужденна, и всеми
Сродными ей ощутилось телами ее пробужденье.
Спящи дыханья проснулись: се дня рождение младого.
Зрите в небесных долинах шествие солнца с востока.
Шествие, жизнь в природу вливающее, кое свершает
Мира картину. Так оживляются души народов,
Если помазанник вечного, если ими любимый
Царь на среду их исходит, величеством кротким одеян.
Зрите лице его чисто, безоблачно и веселящесь
Радостью мира. Счастливы сегодня, счастливы ты, ратай.
Цельй тебе я светлым сей день предвещаю. Мне солнце
Так открывает. Кто солнце назвать осмелится лживым?
Бейте крылами, зефиры, и зной умеряйте биеньем,

Чтоб не тягчил он нагбенных рамен земледельца трудящась,
Чтобы к горящим ланитам прохладнее он прикасался...
Се и зефиры томятся и крыльшком машут единым.
Властвует солнце в природе, и вся природа без действия
Празднует то мгновенье, в кое солнце достигло
Свода небес средоточия. Кончи, о ратай! работу,
Много сегодняшним утром успел ты возделати нивы.
Зри, как, луч отметая, ральное блещет железо.
Се ярмо совлекает со дмящась коня земледелец,
Сам уклоняется к зыблемой тени сучистого дуба.
Платом с чела своего отирает струи потовые,
Шляпу бросает и грудью ложится, к земле прижимаясь;
А между тем как покоится плуг, на ниве вонзенный,
Конь, свободен от ужищ, катается, преобращаясь,
Гриву свою на траве расстилая; воздух, сраженный
Ржащего гласом, спустя мгновенье, ответствует против.
Се насыщенный резвостью бодро главу восхищает;
В землю упертый коленом, еще другое копыто
Силится тщетно поставить, чтоб тем подвинуть всю тягость,
И дотоле приподымается, ежели сразу
На ноги вскочит: волосы с выи на спину спадают,
Двигутся ноздри округом, и пар рассыпается в воздух.
Зрелища в поле друг за другом следуют и помрачают
Все взаимно себя. Какая меня ожидает
Там картина вдали? Бугорок, освещенный лучами,
Вдруг покрывается облаком тихо носимого праха.
Или сюда кто-нибудь, отдаленного города житель,
Тенью прельщенный, заходит почить в мгновение зноя?
Пусть он придет, сей путник уставший: здесь мягкие травы,
Здесь и журчащий ручей вливает сон в очи. Здесь нимфы
Шепотом тихим весь вечер прохожего слух удивляют.
Нет, не прохожий идет: это ратая нежна супруга,
Ествы полдневны несущая, ествы, варенные ею,
К этому смуглому юноше, коего первые взоры,
Первы похитить умела желания хитрою лаской,
Узы его на себя наложила она своевольно,
Ставши супругой, быть хочет рабою, любимой им только.
Зрите умильные очи ее, устремленны к супругу,
Столь вображающи живо все то, что сказать она медлит.
Нежность в них изъясняется с робостью, с этим смущеньем,
Кое тем сладостней зреть, чем более скрыть она хочет.
Ах! сей взор награждает его за труд его с лишком
И наперед наслажденье дает его собственну сердцу;
Будто зошли семена, как будто поспела уж жатва.
В черные очи его проникает пламень внезапно,

Руки простерты его: единое их прикасанье
Млеющую вержет на перси к нему; ах! он ощущает
Сердца биенья, которым его ответствует тотчас.
Как заблуждаюсь я, кисти моей поверяя толь много?
Можно ль подслушать супругов и тайны, одним им известны?
Только небесный певец, единый Мильтон то умеет:
Все восхищенья представить, и в самой их страсти безвинны,
И серафимов собор показать Адаму вкруг Евы.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову

Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных,
Жизнь сельская зовет согласия мои,
В долинах, муравой цветущею устланных,
Где Лухта льет тебе прозрачные струи.
Где ты из терема, куда ни кинешь взоры,
Повсюду мирное свое владенье зришь.
Тебе окружные желтеют жатвой горы,
Поля, где шествуешь, присутствием ты живишь.
Спешат кругом тебя прилежные селяне,
И нимфы вьют тебе венки из васильков.
С зарею восстают восхода солнца ране,
Железом вооружась блистающих серпов.
Ах! счастливы стократ, свое коль счастье знают!
Трудятся, суетно свой ум не бременя,
Гуляньем летни дни иль пляской заключают
И песенки поют у зимнего огня.
Что нужды, что зима? Еще им лето длится,
И счастье годовых не ведает времен.
Работы и забав единый круг катится,
Забавы без угрыз, здоровье без измен.
Такие дни текли вселенныя в начале,
Когда не ведали обманов, ни вражды:
Никто не странствовал знакомой сени дале
И всяк воздвигал отечески бразды.
Не заблуждались смиренные желанья
В исканье пагубных сокровищ и честей,
И связи родственны, и нежны воздыханья,
И нужда добрым быть спасали от страстей.
Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкус с любовью простоты:
Из лиры своя изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты.

*

Душою сильною, и жаждой просвещенья,
И прелестью стихов
Тебя благоволил украсить в час рожденья
Твой Гений, Ханьков.
Мне жребий менее сияющий и лестной
Достался от небес:
Дни праздны в тишине вкушати неизвестной
Под тению деревьев.

*

Товарищи, наставники, друзья,
О книги! к вам украдываюсь я
Мгновенье скрыть оставшейся прохлады,
Вкушая в вас полезные отрады.
Я наслаждатися меж вами прихожу
И время течь скоряе обяжу.
Ах! несмотря, что время скоро мчится,
Мгновенья есть, когда оно влачится,
Коль числит их душа, в бездействие впад.
Единый труд отъемлет скуки хлад.

МИЛОЕ ДИТЯ

Ты мне делаешь приветства,
Пляшешь весело со мной,
И во всех забавах детства
Я всегда товарищ твой.

Ты со мной не умолкаешь,
Песни мне свои поешь,
Мне отсутствие попрекаешь
И со мною в пальцы шьешь.

Но когда язык отважной
Станет страсть изображать,
Вдруг ты сделаешься важной—
Я не смею продолжать.

О Розана, ты плутовка,
Ты уж вышла из детей.
Хладный вид—одна уловка,
И Амур смеется ей.

ИСТИННАЯ КРАСОТА

Взор сияющ, очи ясны,
Сладок голос уст твоих—
Все черты твои прекрасны,
Нина,—лучше сердце их.

Мы сперва к тебе влекомы
Внешней вида красотой,
Более с тобой знакомы—
Забываем образ твой.

Удивленье наше данью
Добродетелям твоим.
Дух, отверстый состраданью,
Тьмою прелестей ценим.

Разум твой, небесный Гений,
Из стыдящихся ланит,
Сладких гласа наклонений,
Из улыбки говорит.

Крылья время низлагает
У твоих, драгая, ног,
И в объятья прибегает
Твой питомец—нежный бог.

Мнит, что видел он Киприду,
Но Киприду без вины,
Как предстала смертных виду,
Только вышед из волны.

Как весна твоя прекрасна,
Будет осень хороша.
Старость прелестям опасна,
В вечной юности душа.

ОТЪЕЗД

Любови, грации, простите
И за подругою летите,
За Ниной вашей и моей.
Ах, вашей, вашей несомненно,
Затем, что здесь уединенно
Я только слезы лью по ней.

Но вы стократ благополучны:
С своею милой неразлучны,
Как воздух, зыблетесь вокруг,
Как ветер, веете власами,
Ее играете красами,
Как вами — Душенькин супруг.

Играйте осторожно с Ниной
И берегите над стремниной
Раскат ее бегущих ног,
Смотрите козней и препятья,
Чтоб не схватил ее в объятья
Какой-нибудь сокрытый бог.

ПРАВОУЧИТЕЛЬ

Когда бы откупиться
От смерти мы могли,
Льзя было бы скупиться,
Чтоб денежки спасли.
Но бедно иль богато
Коль должно умирать,
На то серебро и золото,
Чтобы его метать.

Премудрость нас приводит
Ко счастью тишиной.
Но к нам она приходит
С жезлом и сединой.
Дней наших половина
Еще не перешла:
Пускай заморски вина
Обходят вокруг стола.

Любовны подлишала,
Смотрите, как смешно:
Алкид у ног Омфалы
Крутит веретено;
Но Нисы томны взоры,
И Хлои нежна трель,
Аглаи разговоры...
Подайте нам кудель.

*

Иной бы стал непостоянством
Тебе, Клариса, попрекать,
А я гнушаюсь тиранством,
Красавиц знаю почитать.
Я уважаю ваше право
Любить, покуда вам кто мил,
И, рассуждая очень здраво,
Не спрашиваю свыше сил.
Счастливы, кто нес твои оковы,
Что нужды, месяц или день,
Пусть пременяет узы новы,
Твоих красот не найдет тень.
Где сыщет эти своенравья,
Улыбку, гнев и гордый взор,
Сии внушения тщеславья,
Злословья полный разговор?
Все эти злости, столь любезны,
Твою непостижиму власть,
Твои оплошности, полезны
Рассудок наш и сердце красть.
Клариса, ставши постоянной,
Была бы меньше хороша:
Самой Киприде изваянной
Недостает еще душа.

*

Итак, опять убежище готово,
Где лениво свободно лъзя дышать.
Под сень свою, спокойное Берново,
Позволишь мне из Твери убежать.
Мне кажется, что древние пенаты,
Не отягчив морщинами чела,
Вошедша гостя зрят. Они мне святы,
Хранители прекрасного села,
Где тишина не знает грозной бури,
Где под вечер при пении подруг
На мураве молодая пляшет гури
И зрителей обворожает круг.
Не вижу ль в них хозяина почтенна
Со скромною улыбкой на устах,
Которому забава драгоценна,

Пускай она и в детских суетах.
Прекрасны дни, увы, одно мгновенье,
Потщимся их остановить с собой.
И наша жизнь — зефира дуновенье:
Нет боле игр за мрачною волной.

Но кто идет из терема знакома
С веселостью и лаской на лице?
Не госпожа ль гостеприимна дома
Гостей своих встречает на крыльце
По древнему российскому поверью
Не из чинов, а прямою души?
Обряды все оставили мы с Тверью —
Пусть там они, а здесь нехороши.
О милый друг, чувствительный и нежной,
Сестра моя, ты в руки к ней спешишь,
Ты здесь себя в сей жизни безмятежной
Дыханием свободным оживишь.
Ты любишь сень безмолвную Бернова,
И древний дом, и плодоносный сад,
И этот холм, что роци глыбь сосновой,
И мельницы шумящий водопад.
Смиренна Тма, какой своей прослугой
Название ты сие приобрела?
Вияся сей прекрасною округой,
Ты льешь струи прозрачнее стекла.
Иль для того, что, кроясь своенравно
В подножии высокие горы,
Меж берегов струишься плавно,
Маня к себе нимф сельских для игры;
Кидая темь, как плещутся пастушки,
В кустарниках скрываешь пастухов.
Узнавши то, завистные старушки
Сказали: «Тма течет среди сих берегов».

Но мы пойдем в убежище зверинца,
Где наш чудак, как новый Сведенборг,
Внимаючи внушениям мизинца,
Нечаянно почувствовал восторг
И наяву увидел пред собою
Трех нежных нимф в одежде так, как снег,
Воздушною спустившихся тропою, —
Он видел их по травке легкий бег.
Конечно, то живущи здесь дриады
Иль феи здесь свой держат хоровод.

Летайте вокруг, мечтания, отрады,
В охране дров, у падающих вод.
Зачем стеснять пределы воображенья?
Нам мал тот мир, что видим каждый день,
В невидимый мы любим посещение,
Прелестных снов мы осязаем тень.

Где можно спать спокойнее и доле,
О храмина, сокровищница снов?
Здесь, нега, всё твоей послушно воле:
И мягкий пух, и свет уйти готов.
И красота, свежее став покоем,
Пред зеркалом свою улыбку зрит.
Окружена забав и смехов строем,
Любови мать ей пояс свой дарит.

Но, раза два прошедши по аллее,
Не ждет ли нас обремененный стол,
Во светлой сей большой оранжерее
Оставленный гостям на произвол?
Здесь персики румянятся пушисты,
И розы здесь теряют позже цвет,
Там птички вокруг порхают голосисты,
У коих всё, одной свободы нет.
Пускай идет общественная чаша
От одного к другому вокруг стола.
Здоровье пью твое, мой друг Любаша,
Будь счастлива ты столько, как мила.
Пускай тебе божки соимениты
Не изменят, летая за красотой,
И ямочки румяныя ланиты
Улыбкою украсят образ твой.

УТРО

Тревожится кипяща младость,
И рушится мой сладкий сон.
Опять земле приносит радость
Из волн спешащий Аполлон,
Предвозвещаемый денницей,
С своей горящей колесницей
Поверх является валов.
В востоке злато разлиянно,
И вещество благоуханно
Льет в воздух со цветов.

СТИХИ НА КОНЧИНУ ЯКОВА БОРИСОВИЧА КНЯЖНИНА

Княжнин окончил жизнь. Умолкни, Мельпомена,—
Неутешимые так скорби говорят.
Но, слава! мертвых друг! ты буди ей замена;
Пускай уста твои урон ее гласят.
Пускай почувствуют свою глубокую рану
Герои, коих ты воздвигнул от теней,
И кроткий дух творца, подобно Владисану,
Да снидет воспринять жаления друзей.

*

Здоровье девицы пятнадцати лет,
Здравие вдовушки в сорок;
Жеманщицы, коей весь день — туалет,
Смиренницы, с ней ободворок.
Кубок налей, кланяйся ей,— } *дважды*
Небось не осердишь виною своей!

Красавицы с ямкой в прелестных щеках,
И той, что без них восхищает;
Носящей заразы в двух томных глазах
И той, что одним убивает.
Кубок и проч.

Нимфы, что снег превзошла белизной,
Смуглой, как смоль, будто черной;
Женщины с тьмою забот за спиной
И девушки, им непокорной.
Кубок и проч.

И дюжи, и хлипки — мне все заодно:
Мягко я сплю на столовье;
Нальемте мы рюмки с краями равно
И выпьем сподволь их здоровье.
Кубок и проч.

*

Мои стихи, мой друг, — осенние листья:
Родятся блеклые, без живости и цвету,
И, восхищаемы дыханий злых усты,
Пренебрегаемы разносятся по свету,

Не чтомые никем. Но дух во мне кипит,
И слезы зависти катятся по ланитам,
Что, указуемый гражданами пиит,
Не достигаю я в сообщество к пиитам,
Биющим верные удары во сердца,
Со воздыханьями влекущим слезы сладки.

СИЛА ГЕНИЯ

Любимцы гения от самой колыбели
Прекрасного заемяют нежный вкус,
И видят граций хор, и слышат песни муз.
Тьмой разных он путей ведет их к славной цели
И расточает тьму даров:
И плески множества, и почести дворов,
И душ отменных дружбу.
Дыханьем гения тревожится пиит,
И умствует мудрец, и рвется сибарит
Из рук отчаянной любовницы на службу,
И в двадцать лет уже победой знаменит.
Но менее сердит,
Сей гений резвости влагает в пустомелю,
Который при дворе на службе ту неделю;
С Темирой томною на арфе он звенит,
Внушает сказку Мармонтелю
И с Бомарше смешит.
Не может тяжкий труд и хладно размышленье
Мгновенным гения полетам подражать,
И сокровенную печать,
Которая его дает благоволенье,
Нельзя искусству похищать.
Сей огонь божественный, сие одушевленье,
Которое творит
Он, он его своим возлюбленным дарит;
Он обращает им все средства в наставленье.
Вергилиев, Корреджев колорит,
Иль поражающий и живописный вид
Природы дикой, мрачной,
Иль сердце нежное, которо тонко спит
Под дымкою прозрачной,—
Всё служит гению. Малейшие черты
Источником ему бывают красоты,

Но со счастливейшим души образованьем,
Когда бы льстился мирт со лавром соплетать,
Сердечный терн быть может дара тать;
Душевно здравие владеет дарованьем.
Ах! если дух тесним страстей обуреваньем
И свет покрыт густою тьмой,
Тогда и гений сам светильник гасит свой.
Воспитанник его, оставленный и сирой,
С расстроенною лирой,
Заросшей странствует тропой.
Соперник дерзостный Албана
Иль Тассов ученик,
Произведет ли он дышащий граций лик
Или Армидин сад в середине океана?
Услышит Духа бурь во песнях Оссиана
Иль с Юнгом, может быть,
Он будет слезы лить.
Но сей покров волшебной,
Который для него природу одевал,
Рукою снят враждебной,
И мир без своего очарованья стал.
Не будет боле он в сени уединенной,
У тока чистых вод,
Взирати, восхищен, на ясный неба свод
И жить с природою, потерян во вселенной.
Без нужды воздыхать, возможно ль петь любовь?
И между тем как томна кровь
Влачится тягостно меандром,
Изобразит ли он любимую Леандром,
Уединенную священницу любви,
Прекрасну Иро, во крови
У башни, где вела счастливейшу неволю,
С возлюбленным своим делящу горьку долю?
Изобретет ли он волшебный островок
И посреди его лиющийся поток,
Над коим зыблются древесные вершины,
Остановляющий журчание свое
Для восприятия стыдящаяся Лины,
И шорох листвя, пугающий ее?
Ах! должно быть природы милым чадом,
И слышать глас ея,
И в полноте вкушать всю сладость бытия.
Коль беден тот, что скорби хладом
Зрел юности цветы поблекши своя;
Неосторожно свел две сцены жития,

От Тамизы и от Тага
Стая мчится кораблей,
И твоя им сродна влага
Расстиляется под ней.

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красах
Одеянье скромной спальни
И амуры на часах.

Полон вечер твой прохлады—
Берег движется толпой,
Как волшебной серенады
Глас приносится волной.

Ты велишь сойти туманам—
Зыби кроет тонка тьма,
И любовничьим обманам
Благосклонствуешь сама.

В час, как смертных препроводишь,
Утомленных счастьем их,
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих.

Быстрой бегом колесницы
Ты не давишь гладких вод,
И сирены вокруг царицы
Поспешают в хоровод.

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершись на гранит.

К МУЗЕ

На крыльях времени мои прекрасны дни
С собой похитили и смехи, и забавы,
И нежные мечты, и обещанья славы:
Ты, Муза скромная, урон их замени.

Вернее их в своих щедротах,
Отдай мне суеты ребячества; доставь
Еще мне счастье зреть старинны басни въявь

И воздыхать еще о нимфах и эротах.
Кому ты в юности сопутницей была,
Того и в охлажденные леты,
Когда суровый ум дает свои советы,
Ты манием зовешь волшебного жезла
В страны роскошны и прелестны,
Страны, одной тебе известны,
Послушные тебе где льются ручейки,
Где сладостной твоей улыбкой
Яснеют небеса, вздыхают ветерки
И вьется виноград с своей лозою гибкой.
Но где равно, когда нахмуришь бровь,
Во основаниях колеблется природа,
И меркнет свет, и стынет кровь,
И потрясаются столпы небесна свода.
Игры мечтания, которых суета
Имеет более цены и наслажденья,
Чем радости скупых, честолюбивых бденья
И света шумного весь блеск и пустота.
Любимцам, Муза, ты Елизий сотворишь
И щедро сыплешь вокруг сокровища весны!
Где ты присутствуешь, там счастье водворишь
И украшаешь все страны.
От греков уклонясь Ионии роскошной,
От сени тайныя, где твой Гораций пел,
Ты посещаешь днесь край западный, полнощной
И зиждешь граций там удел,
Где дики племена вели кровавы ссоры.
Приступна всем равно и смертным и странам,
Не уважаешь ты народов перекоры
И благосклонствуешь враждебным берегам.
Делясь меж Галлии и между Албиона,
Внушаешь Валлеру и Лафонтену ты
Неподражаемы черты,
Которым нет ни правил, ни закона.
Влагаешь чувство красоты
И в резвое дитя мечты
На берегах Авона,
И в гордого певца,
Который убежал из хижины отца
От влажных берегов архангельского града,
Чтоб всюду следовать, дочь неба, за тобой
И лиру смешивать с военной трубой.
Тобою внушена бессмертна «Россиада»,
Тобою «Душенька». Ты с бардом у Невы

Священны истины вливаешь смертным в уши
Иль водишь сладостно в окрестностях Москвы
За бедной Лизою чувствительные души.
И мне с младенчества ты феею была.

Но благосклоннее сначала,
Ты утро дней моих прилежней посещала.

Или рассеялась густая мгла
И ясный полдень мой своей покрыла тенью?
Иль лавров по следам твоим не соберу
И в песнях не прейду к другому поколенью?
Или я весь умру?

М. Н. Муравьев (1757—1807)

Родился в состоятельной дворянской семье, в 1768 г. поступил в гимназию при Московском университете, где проучился несколько месяцев. В октябре 1772 г. становится солдатом лейб-гвардии Измайловского полка, весьма скоро начинает тяготиться военной службой.

В 1773—1775 гг. выходит 7 книг М. Н. Муравьева (стихи, басни и т. д.). Молодому литератору покровительствуют В. И. Майков, М. М. Херасков, Н. И. Новиков, Я. Б. Княжнин, в середине 1770-х он знакомится с Н. А. Львовым, И. И. Хемницером, В. В. Капнистом и несколько позже с Г. Р. Державиным. В биографии поэта 1770—1780-е гг.—период напряженных творческих поисков и самообразования.

В ноябре 1785 г. Муравьев назначен «кавалером» великого князя Константина, а вскоре становится наставником его старшего брата Александра, будущего императора. В феврале 1796 г., когда воспитание великих князей было окончено, поэт получил отставку в чине бригадира. В 1800 г. он становится сенатором, в 1801-м— статс-секретарем у принятия прошений, в 1803-м— товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета. Стихи Муравьева, испытавшие значительное влияние лирики Горация, стали одним из ранних явлений русского преромантизма, во многом предвосхитив достижения Н. М. Карамзина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина.

Произведения Муравьева, кроме особо отмеченных случаев, печ. по кн.: *Муравьев, 1967*.

Избрание стихотворца (стр. 381).— *Муравьев, 1819—1820*, т. I, с. 16. Написано, видимо, в первой половине 1770-х гг.

Стансы (стр. 381).— Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михайла Муравьева. СПб., 1775, с. 22. В наст. изд. печатается ранняя, более совершенная в художественном отношении редакция. Стихотворение было переработано в начале 1800-х гг.

Сонет к Музам (стр. 382).— Там же, с. 28.

«Бежит, друзья, бежит невозвратимо время...» (стр. 383).— *Муравьев, 1967*, с. 129. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 30, л. 4. Входит в рук. сборник 1776 г.

К Хемницеру (стр. 384).— *Муравьев, 1819—1820*, т. I, с. 55. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 54, л. 35-об. *Хемницер Иван Иванович (1745—1784)*—поэт и баснописец.

Львов Николай Александрович — см. коммент. на с. 688. *Алциноев сад* — роскошный сад царя Алциноя (Алкиноя), приютившего Одиссея после кораблекрушения. Стихотворение входит в рук. сборник 1776 г.

К Д*** (стр. 385). — *Муравьев, 1967*, с. 155. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 30, л. 5. Обращено к актеру и драматургу Ивану Афанасьевичу Дмитревскому (1734—1821), с которым поэт познакомился в 1776 г. *Лесбийский гражданин*. — Имеется в виду древнегреческий поэт Алкей (VII—VI вв. до н. э.). *Пиндар* — греческий поэт, автор торжественных гимнов (518—ок. 422 до н. э.). *Любовника Глицеры* — то есть римского поэта Горация (65 до н. э.—8 до н. э.). Стихотворение входит в рук. сборник 1776 г.

«Любовник прелести, где я ее найду?..» (стр. 386). — Санкт-Петербургский вестник, 1778, ч. 1, с. 176.

Желание зимы (стр. 386). — Там же, ч. 2, с. 403.

Три первые строфы сохраненной Лонгином Сафовой оды... (стр. 387). — Там же, с. 402. В позднеантичном трактате «О возвышенном», приписывавшемся Лонгину, приведены цитаты из античных поэтов, в том числе из Саффо. Поэт пользовался переводом трактата на французский язык, выполненным Н. Буало.

Время (стр. 388). — Собеседник, 1783, ч. 2, с. 130. *Антиподы* — жители противоположной части земного шара. *Люстр* — пятилетие.

Ночь (стр. 389). — *Муравьев, 1819—1820*, т. 1, с. 28. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 54, л. 27. Работа над стихотворением длилась в 1770—1780-е гг.

Жалобы Музам (стр. 390). — Опыт трудов Вольного российского собрания при Московском университете, ч. 4. М., 1778, с. 290. *Федра* — героиня одноименной трагедии французского драматурга-классициста Ж. Расина. *Оснельда* — героиня трагедии А. П. Сумарокова «Хорев».

Роща (стр. 391). — Там же, с. 295. Написано в 1777 г. *Только небесный певец...* — Имеется в виду английский поэт Дж. Мильтон (1608—1674).

Сельская жизнь (стр. 393). — *Муравьев, 1819—1820*, т. 1, с. 20. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 54, л. 14. Написано в 1770-е гг. *Брянчанинов А. М.* — родственник Муравьева, литератор (ум. 1786). *Лухта* — река в имении Брянчанинова Фомино около Вологды.

«Душою сильною, и жаждой просвещенья...» (стр. 394). — *Муравьев, 1967*, с. 195. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 30, л. 12. Восьмистишие является начальным фрагментом незавершенного стихотворения. Написано в 1770-е гг. *Ханыков Василий Васильевич* (1759—1839) — литератор, друг М. Н. Муравьева.

«Товарищи, наставники, друзья...» (стр. 394). — *Муравьев, 1967*, с. 182. Написано в 1779 г.

Милос дитя (стр. 394). — Жинкин Н. М. М. Н. Муравьев. — Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, 1913, кн. I, с. 285. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 58, л. 2-об. Входит в рук. сборник «легких стихотворений» (нач. 1780-х гг.)

Истинная красота (стр. 395). — *Муравьев, 1967*, с. 224. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 58, л. 2. Входит в рук. сборник «легких стихотворений» (нач. 1780-х гг.)

Отъезд (стр. 395). — *Муравьев, 1967*, с. 215. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 58, л. 3-об. *Душенькин супруг* — Амур, персонаж поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька». Входит в рук. сборник «легких стихотворений» (нач. 1780-х гг.)

Нравоучитель (стр. 396). — Жинкин Н. М. М. Н. Муравьев, с. 288 (выходные сведения в коммент. к с. 394). Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 58, л. 4. Входит в рук. сборник «легких стихотворений» (нач. 1780-х гг.)

«Иной бы стал непостоянством...» (стр. 397). — *Муравьев, 1967*, с. 213. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 57, л. 7.

«Итак, опять убежище готово...» (стр. 397). — *Муравьев, 1967*, с. 199. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 55, л. 1. *Берново* — имение в Старицком уезде, принадлежавшее И. П. и А. Ф. Вульфам, родственникам поэта. *Гури* — по мусульманским представлениям, юные девы, обитающие в раю. *Сестра моя* — Федосья Никитична Муравьева (род. 1760), в замужестве Лушина. *Сведенборг Э.* (1688—1772) — шведский религиозный писатель. *Божок соименный* — Амур.

Утро (стр. 399).— *Муравьев, 1967, с. 202.*

Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина (стр. 400).— Отд. изд. <СПб., 1791>. Я. Б. Княжнин (см. коммент. на с. 678) скончался 4 января 1791 г. *Владисан* — герой одноименной трагедии Княжнина.

«Здоровье девицы пятнадцати лет...» (стр. 400).— Шеридан Р.-Б. Школа злословия. Перевод И. М. Муравьева. СПб., 1794, с. 74, с помстой: «Песня. Перевод из Шеридана». Имя переводчика установлено по автографу Л. И. Кулаковой.

«Мои стихи, мой друг,—осенние листья...» (стр. 400).— *Муравьев, 1967, с. 245.* Время написания неизвестно.

Сила гения (стр. 401).— *Аониды, М., 1792, кн. 2, с. 121.* *Мармонтель Ж.-Ф.* (1723—1799), *Бомарше П.-О.* (1732-1799) — французские писатели. *Вергилий* — римский поэт (70—19 до н. э.). *Корреджо А.* (ок. 1489—1534) — живописец, представитель Высокого итальянского Возрождения. *Албан* — Альбани Ф. (1578—1660), итальянский художник. *Тассо* Торквато (1544—1595) — итальянский поэт эпохи Возрождения. *Песни Оссюана.* — См. коммент. к с. 276. *Юнг Эдуард* (1683—1765) — английский поэт-сентименталист. *Сад Армиды.* — В поэме Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» волшебница Армида увозит рыцаря Ринальдо на острова, где среди прекрасных садов он позабыл о цели, которой посвятил себя. *Меандры* — изгибы речного русла.

Богиня Невы (стр. 403).— *Аониды, кн. 2. М., 1797, с. 130, с подписью: «М. Мрвв».* *Парос и Лемнос* — острова в Эгейском море. *Бостанжи, кизляр-ага* — турецкие придворные чины. *И амуры на часах* — процитировано К. Н. Батюшковым в стихотворении «Ложный страх». *Въявь богиню благосклонну...* — Эти стихи парафразированы в I главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

К Музе (стр. 404).— *Муравьев, 1819—1820, т. 1, с. 64.* *Иония* — часть Древней Греции. *Валлер Э.* (1605—1687) — английский поэт. *Лафонтен Ж.* (1621—1695) — французский поэт-классицист. «*Россиада*» — эпическая поэма М. М. Хераскова (1779). «*Душинька*» — поэма И. Богдановича (1783). *Гордый певец* — М. В. Ломоносов. *Бард у Невы* — Г. Р. Державин. *Бедная Лиза* — главная героиня повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза».

Р89 **Русская литература — век XVIII. Лирика** / Сост., подгот. текстов и коммент. Н. Кочетковой, Е. Кукушкиной, К. Лаппо-Данилевского и др.; Вступ. статья Н. Кочетковой.— М.: Худож. лит., 1990.— 735 с. (Русская литература — век XVIII).

ISBN 5-280-00511-8

В книгу вошли лучшие образцы русской лирики XVIII века.

4702010102-120
Р ————— 16-89
028(01)-90

ББК 84Р1

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА — ВЕК XVIII

ЛИРИКА

Редакторы *Е. Малинина* и *О. Голуб*
Художественный редактор *Г. Масляненко*
Технический редактор *А. Кашафутдинова*
Корректоры *О. Наренкова* и *Н. Усольцева*

ИБ № 5301

Сдано в набор 30.08.89. Подписано к печати 04.06.90. Формат 60 × 90 1/16
Бумага кн.-журн. № 2. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл.-печ. л.
46,0 + альбом = 47,5. Усл.-кр.-отт. 52,5. Уч.-изд. л. 44,87 + альбом = 46,24. Тираж
100 000 экз. Изд. № II-3544. Заказ № 2875. Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО
«Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати.
113054, Москва, Валовая, 28